

Агрессивность и неспособность понимать чужие эмоции¹

С. Н. Ениколопов*,

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий отделом медицинской психологии ФГБУ Научного Центра Психического Здоровья РАМН

Ю. М. Кузнецова**,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук

Н. В. Чудова***,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук

Представлены результаты исследования агрессивности в контексте проблемы эмоциональной неадекватности как специфической особенности картины мира человека. В исследовании приняли участие 126 взрослых (18–65 лет) испытуемых. Процедура диагностики подразумевала помимо заполнения бланковых методик выполнение заданий компьютерной методики распознавания эмоциональной мимики. При факторизации полученных результатов выделены пять значимых (объясняющих 55 % дисперсии) факторов, содержание которых позволяет описывать роль различных форм агрессивности в формировании самоотношения, коммуникативной компетентности, а также в функционировании когнитивных, эмоциональных и мотивационных компонентов картины мира. Показана перспективность использования методики распознавания эмоциональной мимики для изучения мотивационной сферы личности.

Ключевые слова: картина мира, агрессивность, различение эмоций, когнитивные факторы агрессии.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 10-06-00236-а.

* enikolopov@mail.ru

** kuzjum@yandex.ru

*** nchudova@gmail.com

В современном мире субъект остается со своими эмоциями практически наедине, поскольку в силу различных обстоятельств оказываются недоступными для освоения или неэффективными культурные средства, применение которых в принципе могло бы дать ему возможность осознать чувства и «произволить» их проявления. Ослабление действенности механизма социальной регуляции поведения придает особую актуальность исследованиям, посвященным проблематике агрессивности человека.

Прикладной аспект изучения агрессии связан, прежде всего, с выделением доступных для наблюдения предикторов возникновения агрессивного состояния, учет которых делает возможным повышение безопасности социальной среды [2]. Одно из перспективных, на наш взгляд, направлений опирается на выделение в качестве предмета исследования когнитивных факторов агрессии в контексте фундаментальной проблемы функционирования субъективного опыта в структуре личности. Базовым понятием при этом является «образ мира» как «интегральное образование познавательной сферы» (А.Н. Леонтьев). В рамках такого подхода предпочтение агрессии в ситуациях определенного типа обуславливается наличием и функционированием специфических элементов субъективной картины мира [3].

В проведенном нами исследовании для оценки объективных достижений испытуемого в задаче понимания эмоционального состояния незнакомого человека использовалась методика распознавания эмоциональной мимики (версия РЭМ-А), а для выявления субъективных представлений испытуемого о его способностях в области понимания и управления своими и чужими эмоциями использовалась методика эмоционального интеллекта (ЭМИн). Для оценки объективной склонности испытуемого приписывать другим людям враждебные намерения использовался проективный тест враждебности (ПТВ), а для диагностики его субъективных представлений о собственной склонности видеть мир враждебным – опросник агрессивности (ВРАQ). Кроме того, использовались личностные опросники, шкалы которых дают представление об осо-

бенностях эмоциональной и смысловой регуляции общения: опросник черт характера (ОЧХ), тест Кеттелла, опросник перфекционизма, опросник нарциссических черт личности (НЧЛ), шкала базисных убеждений (ШБУ), опросник конструктивного мышления (ОКМ), ценностный портретный опросник Шварца.

Факторизации подвергались данные по шкалам опросников и проективной методики (78 шкал десяти методик) и три показателя непонимания чужих эмоций (суммарное количество неточных и ошибочных ответов, число случаев ошибочной атрибуции эмоций женской модели, число случаев ошибочной атрибуции эмоций мужской модели). Таким образом, испытуемый характеризовался своим положением в 81-мерном пространстве объективных и субъективных оценок его личностных особенностей.

В исследовании приняли участие 126 испытуемых в возрасте от 18 до 65 лет: студенты-психологи, учителя, научные сотрудники.

Факторный анализ выделил 10 факторов. Первые пять факторов, объясняющих 55 % дисперсии, мы опишем подробно.

Первый фактор может быть назван *фактором враждебности*. В него вошли оба – субъективный и объективный – показателя враждебности: шкала враждебности ВРАQ и два из трех показателей ПТВ (готовность видеть других людей как доминантных и завистливых и готовность видеть других людей как «презирающих слабость»). Кроме того, в этот фактор вошли различные показатели эмоциональной регуляции – показатели силы и неконтролируемости эмоций, в том числе склонности к вспышкам гнева и приступам зависти. С плюсом в первый фактор вошли: шкала гнева ВРАQ, шкала сверхзанятости чувством зависти НЧЛ, шкалы экзальтированности и циклотимности ОЧХ. С минусом – шкала эмоционального совладания и общая шкала конструктивности мышления ОКМ, показатели эмоционального интеллекта ЭМИн (шкала понимания своих эмоций, шкала управления своими эмоциями, общая шкала внутриличностного эмоционального интеллекта). Смысловая регуляция оказалась связана с показателем самооценности по ШБУ (с минусом) и с показателями склонности к

перфекционизму (с плюсом) – общая шкала перфекционизма, шкала восприятия других людей как делегирующих высокие ожидания (при постоянном сравнении себя с другими), шкала высоких стандартов деятельности при ориентации на полюс «самых успешных», шкала селектирования информации о неудачах и ошибках. Из черт личности (опросник Кеттелла) в этот фактор вошел показатель грубой самоуверенности (- О, на полюсе враждебности).

Итак, наиболее сильный фактор в самовосприятии человека связан: 1) с объективно существующей или отсутствующей у него враждебностью; 2) неподконтрольностью или произвольностью переживаний, в первую очередь агрессивных; 3) наличием или отсутствием проблем самопринятия; 4) отсутствием или наличием чувства вины и чуткости. На одном полюсе этого фактора – подозрительные, вспыльчивые, упрямые, тщеславные и завистливые, на другом – уравновешенные, не испытывающие больших проблем со своими переживаниями, принимающие себя и свои эмоции и потому, видимо, не нуждающиеся в приписывании другим враждебности, холодности и нетерпимости.

Второй фактор может быть назван *фактором «тонкокожести» и защитной враждебности*. Этот фактор также оказался связан с враждебностью, но уже лишь с объективной, неререфлексируемой самим человеком (показатель готовности видеть других людей как «презирающих слабость» в ПТВ). На полюсе враждебности оказываются такие показатели нарциссизма (НЧЛ), как поглощенность фантазиями, вера в собственную уникальность и потребность в постоянном внимании и восхищении. Показатель же склонности к дерзкому заносчивому поведению (НЧЛ) вошел в этот фактор с минусом (это единственная характеристика второго полюса этого фактора). В отличие от первого фактора второй фактор собирает характеристики, связанные не с эмоциональной регуляцией, а с когнитивной. На полюсе объективной враждебности оказываются такие особенности представлений о мире, как наивный оптимизм и эзотерическое мышление (ОКМ) и вера в доброжелательность мира (ШБУ).

Таким образом, мы можем говорить о том, что в данном факторе отражается классический вариант механизма вытеснения агрессивных импульсов, проявляющийся в виде синдрома Поллианны, или патологического оптимизма, «благодаря которому индивид ни о чем не тревожится и полагает, что все идет хорошо, несмотря на свидетельства об обратном» [1, с. 340]. Со своими переживаниями такой человек предпочитает не работать, адаптируясь лишь с помощью поведенческого совладания (ОКМ), реализуя поведенческие стратегии педантичности и эмотивности (ОЧХ) и демонстрируя такие черты личности, как открытость и беспечность (А и F, по Кеттеллу). Действительно, если человек воспринимает себя так, как это следует из его самоописания в ОЧХ и тесте Кеттелла, т. е. как человека мягкого, чувствительного, ранимого, тонкого, открытого, приветливого, ответственного, внимательного, обязательного, настроенного на сотрудничество, то недостаток внимания и восхищения, в которых он нуждается более, чем другие (поскольку к тому же чувствует свою уникальность и обуреваем фантазиями, по НЧЛ), должен вызывать у него не просто недоумение, а обиду и ощущение излишней жесткости, нетерпимости мира к «слабостям» тонко организованных натур. Враждебность такого человека – это, скорее, выражение страхов незащищенного, чем оправдание своей гневливости самоуверенного.

Сравнивая эти первые два фактора, можно сделать вывод о том, что для наших испытуемых враждебность выступает в двух формах – как основа враждебной картины мира с хорошо артикулированной гипотезой о злонамеренности окружающих и как неосознаваемый компонент реагирования в ситуации плохой психологической адаптации. Если в первом случае убеждение человека во враждебности окружающих формируется под влиянием необходимости объяснить свои переживания – сильные, часто внезапные и тяжелые, то во втором – в связи с тем, что нужно объяснить переживания окружающих, не спешащих восхититься достоинствами этого человека. В каком-то смысле утверждения использованных опросников ориентируют испытуемо-

го на примеривание на себя ролей Карлсона и Малыша.

Данные о реальной способности человека верно ориентироваться в эмоциях других людей (РЭМ-А) служат основой организации оси, которую можно обозначить как третий фактор – *фактор насилия*. Этот фактор имеет два полюса, один из которых составляют признание своей готовности к физической агрессии (ВРАQ), склонности к дерзкому и заносчивому поведению и отсутствию эмпатии (НЧЛ), а также объективная склонность приписывать людям эмоции, которых они не испытывают, и не замечать те эмоции, которые они переживают на самом деле (все три показателя РЭМ-А). Другой полюс образован высокими показателями межличностного эмоционального интеллекта (в основном за счет выраженной склонности к управлению чужими эмоциями) и убежденностью в своей способности контролировать события (ШБУ). Таким образом, данный фактор обнаруживает два способа достижения человеком своих целей – «силовой», выбираемый теми, кто не может разобраться в истинных переживаниях других людей, и «манипулятивный», основанный на способности человека верно «считывать» чужие эмоции и готовности «управлять» ими.

Четвертый фактор оказался *фактором ценностной регуляции*. Один полюс этого фактора образуют ценности гедонизма, достижений и власти-богатства (опросник Шварца), другой – ценность благожелательности и способность понимать женщин (во всяком случае, верно интерпретировать их мимику, согласно результатам по РЭМ-А). В первый полюс входит и склонность контролировать свои чувства (НЧЛ), во второй – отказ от манипуляции в межличностном общении (НЧЛ) и отсутствие «застывания» на своих переживаниях, планах, требованиях к миру (ОЧХ). Видимо, четвертый фактор представляет собой конструкт, позволяющий человеку оценить свою готовность «идти по головам» или «оставаться лохом». Интересно, что именно ценностные приоритеты оказались связанными с таким объективным показателем эмоциональной компетентности, как умение правильно распознавать эмоции женщины по ее мими-

ке. Возможно, в генетическом плане именно задача понимания переживаний матери заставляет человека обращать внимание и на собственные потребности, осмысливать свои желания, определять для себя ценностные приоритеты. Можно предположить, что модель заботы и внимания, реализуемая матерью, способной к открытому, но не пугающему проявлению эмоций, легко присваивается ребенком и выступает у взрослого человека уже как смысловой регулятор его отношений с другими людьми. Во всяком случае, успешность в атрибутировании эмоций женщины позволяет человеку, не стремясь к манипулированию окружающими, считать мнения и желания каждого достойными внимания.

Четвертый фактор представляет собой конструкт, отражающий тяготение человека к позиции «эгоиста» или «альтруиста»: обнаруженная оппозиция ценностей выступает как противопоставление двух типов социальных потребностей – во власти и в успехе, с одной стороны, и в аффилиации и помощи – с другой. Напомним, что в опроснике Шварца тот, кто выбрал ценность благожелательности, описывает себя как типичного аффилиата и помогающего («Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии. Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям. Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни» [4, с. 42]).

Пятый фактор может быть назван *фактором толерантности*. Один полюс этого фактора собирает тех, кто исповедует ценность универсализма. Согласно опроснику Шварца, это человек, который видит себя следующим образом: «для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей, и даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения; он твердо верит, что люди должны беречь природу и для него важно заботиться об окружающей среде» [4, с. 42]). Отметим, что по данным исследования 2007 г. [4], сторонников этой ценности в нашей стране значимо меньше, чем в западноевропейских странах, где толерантность и

политкорректность являются общепринятыми нормами чувствования и поведения. В нашем исследовании те, кто выбрал эти ценности, оказались также склонны к вере в непознаваемое и используют стратегию категорического мышления (ОКМ), считают себя знатоками человеческих переживаний (понимание эмоций других, ЭМин) и склонны контролировать собственные чувства (Опросник перфекционизма). На противоположном полюсе этого фактора собрались шкалы, высокие баллы по которым характеризуют человека, занятого собой и тем впечатлением, которое он производит на окружающих: демонстративность (ОЧХ) и чувство самозначимости (НЧЛ).

Итак, пятый фактор объединил те характеристики человека, с помощью которых он описывает направленность своего социального внимания – он много внимания и душевных сил уделяет общественным проблемам или же его больше волнует его собственная роль в глазах других. В некотором смысле это – фактор адлеровского «социального интереса», который на нашей выборке (образованные москвичи) оказался связан с недостатками в работе конструктивного мышления.

Полученные данные позволяют сделать **выводы** о связи агрессивности с представлениями человека о самом себе и с его компетентностью в области понимания других людей.

Во-первых, агрессивность является тем свойством индивидуальности, которое в том или ином виде отражается на всех представлениях человека о самом себе. В трех факторах из пяти различные формы агрессивности представлены непосредственно (осознаваемые склонность к гневу и враждебность, неосознаваемая враждебность, склонность к физическому насилию), в двух других – в форме ценностных выборов и интеллектуальных стратегий (эгоцентрические ценности и категоричность суждений).

Во-вторых, склонность человека приписывать другим людям эмоции, которые те не испытывают, связана с общей установкой на насилие. Эта установка на навязывание своей воли может проявляться по-разному – в форме физической агрессии, в форме дерзкого и заносчивого поведения, как безразличие

(осознаваемое или неосознанное) к чувствам других, как готовность «взять от жизни все», невзирая на желания и нужды других людей. Все эти формы прямого и косвенного насилия поддерживаются неспособностью человека ориентироваться в невербализованных эмоциях других людей.

В-третьих, решение задачи на распознавание эмоций на лице женщины имеет особое значение в жизни человека. Успешность в решении этой задачи позволяет получать и особое удовольствие от удовлетворения потребности в аффилиации и потребности в оказании помощи. Неудача в интерпретации переживаний женщины оказывается связанным с фиксацией на самоутверждении. Другими словами, обнаружилось, что мотивационная иерархия напрямую проявляется в относительно простых актах восприятия, что открывает новые возможности для построения психодиагностических процедур в изучении мотивационной сферы.

В-четвертых, развитие личности за счет роста направленности в сторону «социального интереса» (в форме защиты природы и борьбы за права человека) у наших современников оказалось связано с отказом от рациональности. Применение стратегии категорического мышления в сочетании с опорой на непроверяемые, интуитивные «знания» делают толерантность и политкорректность лишь признаками сниженного уровня адаптивных возможностей психики. При этом гуманистический пафос основанной на этой ценности позиции оказывается девальвированным серьезным объемом агрессии, присутствием категорическому мышлению, а ее прогрессистский заряд – безразличием к достоверности фактов, которыми оперируют при обосновании конкретных требований и формировании планов. Описанные закономерности основаны на данных обследования довольно однородной в социологическом плане выборки (на группе образованных москвичей). Было бы интересно проверить существование выявленных связей на более широкой выборке в нашей стране, а также на выборках тех стран, в которых сама эта идеология толерантности и зародилась.

Литература

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009. 672 с.
2. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М. Задача распознавания ситуаций насилия с применением автоматизированных систем и методов искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40912.shtml> (дата обращения: 21.07.11).
3. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 43–58.
4. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия российского населения в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 33–58.

Aggressiveness and inability to understand other people's emotions

S. N. Yenikolopov,

Ph.D. in Psychoogy, Associate Professor, Head of Chair of Criminal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

Y. M. Kuznetsova,

Ph.D. in Psychology, Senior Research Associate, Institute of Systems Analysis, Russian Academy of Sciences

N. V. Chudova,

Ph.D., senior researcher at the Institute of Systems Analysis, Russian Academy of Sciences

We present the results of a study of aggression in the context of emotional inadequacy as a specific feature of the worldview. The study involved 126 adults subjects (18 to 65 years old). The diagnostic procedure involved filling computer questionnaire and tasks of facial emotional expression recognition. The factorization of the results identified five significant (explaining 55 % of the variance) factors, the content of which allows to describe the role of different forms of aggression in the formation of the self-attitude, communicative competence, as well as in the functioning of cognitive, emotional and motivational components of the worldview. The prospects of using emotional facial expression recognition techniques for the study of motivational sphere of personality is shown.

Keywords: worldview, aggression, emotions discrimination, cognitive factors of aggression.

References

1. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / Pod red. B. G. Mesh'erjakova, V. P. Zinchenko. M.: AST, Prajm-Evroznak, 2009.
2. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М. Задача распознавания ситуаций насилия с применением автоматизированных систем и методов искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40912.shtml> (дата обращения: 21.07.11).
3. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 43–58.
4. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия российского населения в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 33–58.